

3. Ноговицын В. П. Прошлое, настоящее, грядущее саха. 2004. С. 28.
4. Горохов С. Н. Пастырство Вениаминова среди кочевых малых народов северо-востока Азии и их сегодняшнее положение // Илин. 1997. № 1. С. 51.
5. Ксенофонтов Г. В. Шаманизм. 1992. 253 с.
6. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов / Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь, Д. М. Павлинов. Т. 4. 1929. С. 11.
7. Православие на Дальнем Востоке. 2001. Вып. 3. С. 26.
8. Гуляева Е. П. Книга в Якутии: (1812–1916). 2004. С. 36.

СЕНИНА Е. А.

ОБРАЗ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В РЕШЕНИИ «ИНОРОДЧЕСКОГО» ВОПРОСА НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Сибирская демократическая пресса второй половины XIX – начала XX вв., поднимая на своих страницах одну из важнейших общесибирских проблем – «инородческую», вместе с тем отчетливо раскрывала образ местной администрации, в обязанности которой входило непосредственное участие в решении этого вопроса на своем уровне.

Относительно помощи местной администрации «инородцам» сибирская печать прямо указывала, что возложить на нее «подобные серьезные действия» – «значит желать ничего не сделать» [1]. За бедствия аборигенного населения в значительной степени местная пресса возлагала ответственность именно на сибирских администраторов, забота которых об «инородческом» населении сводилась по большей части лишь к бесконечным запросам и донесениям, не имевшим практическим последствий. На страницах сибирских изданий подчеркивалось, например, что дело о падежах скота у «инородцев», как правило, заканчивается канцелярской перепиской об общем количестве павших животных, иногда командировкой ветеринара для фиксации этого числа. Организация же борьбы с болезнями «инородческого» населения носит характер письменных наставлений, вроде указания «соблюдать чистоплотность, заводить бани, менять одежду по сезону и т. п.» [2]. Жалобы и просьбы «инородцев», которые посылаются мелким агентам власти, очень часто кладутся под сукно и не получают никакого движения.

Сибирская пресса формировала образ сибирской администрации как власти бездеятельной, которой абсолютно чужды проблемы вверенного ей населения. «Все эти заседатели и исправники, – указывала она, – ограничиваются только писанием бумаг, чисто бумажной отчетностью, и терпеть не могут разъездов» [3]. Поэтому, публикуя на своих страницах сведения о распространении в среде коренного населения различных эпизоотий и эпидемий, сибирская печать наглядно показывала, что главным виновником этого в большинстве случаев являются местные власти, не предпринявшие своевременных мер по ограничению и предотвращению заразы и допустившие в результате своего бездействия поражение значительных по размеру территорий.

При этом сибирская печать считала, что местные власти стремились к замалчиванию фактов бедственного положения «иностранцев». Местная пресса вынуждена была довольно часто помещать на своих страницах письма представителей сибирской администрации, которые либо опровергали опубликованные ею данные указанного характера, либо доказывали своевременность принятых ими мер. Так, например, в 1900 г. на статью «Восточного обозрения» о «вымирании» баргузинских «иностранцев» вследствие продолжительной голодовки было прислано возражение военного губернатора Забайкальской области, подчеркивавшего, что «меры по обеспечению орочен от голода были приняты своевременно» [4]. «Забайкальские областные ведомости» в этом отношении пошли дальше, поместив статью фельдшера А. Филинова, который указывал, что при столкновении с ороченами он не обнаружил, «чтобы они придавали какое-либо значение увеличивающейся среди них смертности», а тем более смотрели на нее «как на последствие продолжительного недоедания». Официальная газета утверждала, что «выдающегося бедствия» у «иностранцев» нет [5].

В 1897 г. на страницах сибирской печати широко освещался факт распространения в северном округе Якутской области сибирской язвы, поразившей многие районы и приведшей к гибели большого количества скота и, соответственно, голоду якутского населения.

Якутский губернатор в письме к иркутскому генерал-губернатору попросил опровергнуть сведения, сообщенные в этих публикациях, указав на преувеличение ими размеров урона, понесенного якутами вследствие эпизоотии. Пользуясь донесениями

якутского окружного исправника, он писал, что острых жалоб на голодание у «инородцев» не обнаруживается, а благодаря своевременным административным мерам – отпуску казенного хлеба и предоставлению разоренному населению заработка в виде постройки новых изгородей и зарытия трупов животных – последствия сибирской язвы ослаблены. В заключение своего письма он ходатайствовал о «прекращении газетных воззваний о помощи будто бы голодающему населению Дюпсунского улуса» [6]. Можно понять просьбу якутского губернатора, ведь газетные воззвания напрямую ассоциировались с виновностью представителей власти в сложившейся ситуации.

Вынужденная публикация опровержений была не самым худшим вариантом для местных газет и журналов. Довольно часто чиновники привлекали редакторов сибирских изданий к суду за публикацию статей, выставивших их в неблагоприятном свете.

Один из крупных процессов произошел в 1899 г., когда колымский окружной исправник Лавров привлек редактора газеты «Восточное обозрение» И. И. Попова к суду за ряд корреспонденций из Якутского края и, в частности, за статью В. Г. Богораза-Тана о случаях людоедства на Омолоне. В статье, в частности, содержалось обвинение Лаврова в замалчивании фактов голода и, как его последствий, случаев людоедства среди коренных жителей. Следствие продолжалось полтора года. И. И. Попов сумел доказать виновность чиновника. В результате редактор «Восточного обозрения» был оправдан, а окружной начальник уволен с занимаемой должности [7].

Практические мероприятия сибирской администрации по облегчению положения аборигенов местная пресса считала по большей части нецелесообразными в силу того же формально-канцелярского характера. Ярким примером тому являлась организация медицинской помощи «инородцам». Сибирская печать, например, указывала, что посылка местными властями сифилитологических санитарных отрядов, носящих судебно-медицинский характер, является нерезультативным методом борьбы, пугающим «инородческое» население и вредящим его экономическому благосостоянию (все расходы за счет местных жителей) [8]. Сибирская пресса отмечала одновременно как формально-канцелярский, так и принудительно-полицейский характер этих проектов. Так, попытки насильственного оспопрививания тунгусов в приангарском

крае закончились тем, что кочевое население перестало появляться в деревне [9]. По поводу такого сомнительного с точки зрения целесообразности метода борьбы с проказой, как осушение болот, якутская администрация отписывалась, что для реализации этого дела «принимаются меры и для понуждения инородцев к работам командированы к ним казаки» [10].

В конце XIX – начале XX вв. местные издания очень много писали о вилюйской колонии прокаженных, устройство которой было предпринято местной администрацией в качестве меры борьбы с этой болезнью, распространенной среди «инородцев». Сибирская печать отмечала многочисленные нарушения и беспорядки в высылке, связанные со случайным подбором медицинского персонала, и, соответственно, непрекращающиеся жалобы больных на антисанитарные условия, отсутствие лечения, снабжение некачественной пищей, отказ врача принимать новых пациентов. Как на результат «заботливости» сибирской администрации о прокаженных местная пресса указывала на большой процент смертности, существующий в колонии, и частые побег из нее «инородцев» [11].

В добавление к вышеназванным характеристикам местная пресса открыто заявляла: сибирский чиновничий аппарат представлен «людьми ленивыми, бездарными, стремящимися к наживе» [12]. Сведения об обирании и спаивании «инородцев» не только торговцами и крестьянами, но и местными представителями власти неоднократно помещались на страницах сибирских изданий. Злоупотребления при сборе ясака, указывала печать, приводили к тому, что «земские чиновники в первые же годы службы составляли себе громадные состояния» [13]. Речь шла о злоупотреблениях и произволе не только со стороны русской, но и «инородческой» администрации.

В 1905 г. мегинский улусный голова И. Амосов выдвинул обвинение против газеты «Восточное обозрение» за помещение ею в № 157 корреспонденции под названием «Письма из Якутского улуса», рассказывавшей о его деятельности среди своих сородичей. В ней содержались не только свидетельства самоуправства улусного головы в качестве должностного лица, но и сведения о его эксплуатации «инородцев» посредством различных ростовщических операций по продаже сена и масла [14].

Интересно отметить, что в силу цензурных условий тон критических замечаний сибирской прессы в адрес власти до 1905г. и

после него существенно отличался. Во второй половине XIX в. всю мощь своей критики сибирские периодические издания обрушивали прежде всего на местную администрацию. В адрес государства в этот период звучали лишь отдельные реплики о том, что оно мало заботится о судьбе коренных народов. И то эти замечания встречаются в сибирских органах печати, издававшихся в Петербурге [15]. Более того, внешне сибирская печать нередко демонстративно противопоставляла гуманное отношение высшей власти к «инородцам» в силу традиций русского законодательства и «здоровой политики» и грубое обращение с ними местной администрации, роняющей «в глазах исправников русское имя» [16]. Но это был не иначе, как публицистический прием, так сибирская печать понимала невозможность решения «инородческого» вопроса без реформ сверху и рассчитывала на них, призывая центральное правительство обратить внимание на нужды коренного населения Сибири.

С изменением в 1905 г. условий цензуры резкие отзывы местной прессы посылались и в адрес правительства. В адрес же сибирской администрации критика со стороны местных изданий начале XX в. только усилилась. Сибирская печать отмечала отсутствие каких-либо изменений в ее отношении к «инородцам» на протяжении всего существования. «Якутский губернатор XX в. ничем не отличается от якутского воеводы времени царя Алексея Михайловича», – писал журнал «Сибирские вопросы». Оценивая действия сибирских властей в среде коренного населения, вышеуказанный журнал вообще предлагал освободить «инородцев» от опеки губернаторов и подчинить их управление центру, а в местный административный аппарат включить людей, «действительно подготовленных к делу не с бумажной, канцелярской стороны», искренне желающих принести пользу сибирским народностям [17].

Таким образом, сибирская демократическая пресса, в структуре репрезентуемого образа местной администрации, при решении ею «инородческого» вопроса выделяла такие характеристики, как бездеятельность и формально-канцелярское отношение к «инородцам», лживость, невежество, стремление к наживе, вседозволенность и произвол в отношении коренного населения.

Примечания

1. Инородческие бедствия // Вост. обозрение. 1886. № 24. С. 2.
2. У. Из Якутской области. Борьба с проказой в Якутской области // Сиб. сб. 1898. С. 237.

3. Л. Правительственные «заботы» о северных инородцах // Сиб. вопр. 1908. № 25. С. 5.
4. Мациевский Письмо к редактору // Вост. обозрение. 1900. № 50. С. 3.
5. Филинов А. По поводу голода среди орочен // Забайк. обл. ведомости. 1900. № 37. С. 3.
6. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 101. Л. 204-205.
7. Попов И. И. Иркутские забытые страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 52-53.
8. Крутовский В. М. Сифилис в России и Сибири и проекты борьбы с ним // Сиб. сб. 1896. Вып. 1. С. 9-22.
9. С. Г. Дети леса (из жизни тунгусов) // Сиб. сб. 1902. С. 140.
10. У. Из Якутской области. Борьба с проказой в Якутской области // Сиб. сб. 1898. С. 139.
11. Белецкий Н. Призрение прокаженных в Вилюйском округе: 1827-1901гг. // Сиб. сб. 1904. С. 46-76.
12. Л. Вековой грех // Сиб. вопр. 1908. № 19-20. С. 4.
13. Арефьев В. Енисейские инородцы (Популярные очерки) // Сиб. сб. 1902. С. 5.
14. РГАЛИ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
15. Инородческие бедствия // Вост. обозрение. 1886. № 24. С. 1.
16. Авесов Сибирские инородцы // Сибирь. 1876. № 28. С. 1.
17. Л. Вековой грех // Сиб. вопр. 1908. № 19-20. С. 4.

СОФРОНОВ В. Ю.

КРИЗИС ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVII В.

В конце XVII в. обнаружили многие недостатки и несовершенство важной государственной структуры, несущей на себе функции по контролю за административным аппаратом, осуществляющим управление на территории Сибири. К тому же, назначаемые за Урал воеводы не всегда должным образом исполняли возложенные на них полномочия. Этому способствовало отсутствие должной регламентации обязанностей воевод, что в ряде случаев вело к их злоупотреблениям своим должностным положением. Именно этим можно объяснить интенсивное издание российским правительством ряда законодательных актов, направленных на стабилизацию обстановки в Сибири и налаживание должного контроля за управленческим аппаратом. Именные указы и боярские приговоры, издаваемые в тот период, затрагивали прежде всего контроль за сбором ясака и ведущейся через Сибирь торговли с азиатскими купцами.